

**К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВЫЧЛЕНЕНИЯ ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ИЗ ОБЩЕИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ**

Д. В. МАЗАРЧУК

*Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси
Минск, Республика Беларусь*

М. Э. ЧЕСНОВСКИЙ

*Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь*

Аннотация. В статье проанализированы основные проблемы прошлого, решение которых привело к вычленению истории международных отношений из общепроприетарных процессов. Они связаны с эпохой, ознаменовавшей, во-первых, практику выделения субъектов (акторов) межгосударственных отношений, во-вторых, осмысление сути механизма баланса сил и накопление опыта его использования. Постепенное распространение названных акторов и использование в процессе их взаимодействия феномена баланса сил привело к выделению дипломатии как особой деятельности и становлению внешней политики как особой сферы отношений.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что вызревание предпосылок для внедрения практики международных отношений началось с эпохи Возрождения и впервые получило оформление фактом Вестфальского мира 1648 г. Вестфальская система отношений закрепила обязательства государств выполнять подписанные договоры и узаконила практику межгосударственного взаимодействия на основе международного права и канонов дипломатии, тем самым предопределив эволюцию прежних международных связей в систему межгосударственных / международных отношений, и став отправной точкой для становления истории международных отношений как научной дисциплины. Результат исследования дает основание принять в белорусской исторической науке данное методологическое разграничение между всеобщей историей и историей международных отношений.

Ключевые слова: всеобщая история; международные отношения; история международных отношений; акторы международных отношений; механизм баланса сил; дипломатия; внешнеполитическая деятельность; Вестфальская система отношений.

Образец цитирования: Мазарчук Д. В., Чесновский М. Э. К вопросу о времени вычленения истории международных отношений из общепроприетарных вопро-

сов // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей. Минск, 2021. Вып. 9. С. 10–26. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2021-9-10-26>

Введение. Как известно, с древних времен существовали международные отношения – вид общественных связей, выходящих за рамки внутриобщественных отношений и территориальных образований. Вестфальский мир расширил их спектр, положив начало эпохе межгосударственных отношений как совокупности экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических и иных связей и взаимоотношений между государствами и системами государств. Вестфальский договор 1648 г. закрепил правовыми средствами возникшую разновидность международных отношений: взаимодействие национальных государств, стержнем которого стали внешнеполитические отношения. Данные отношения постепенно приобрели особый вес и значение, став основой складывания системы международного баланса сил и оттеснив в маргинальное поле иные разнообразные связи, выходившие за пределы территориальных образований. Благодаря своему влиянию и уникальности межгосударственные отношения смогли «монополизировать» и превратить в свой синоним понятие «международные отношения».

Окончательное завершение данного процесса целесообразно отнести ко времени заключения Уtrechtского мира (1713 г.). Целью исследования выступает доказательство, что формирование института акторов международных отношений, складывание механизма баланса сил, обобщение первичного опыта дипломатии и внешнеполитической деятельности составили основу будущей системы международных отношений как теоретико-практической конструкции раннего Нового времени. Исследование построено на основе сопоставительного анализа публикаций русскоязычных и иноязычных авторов, занимающихся раскрытием особенностей формирования общественных систем и внешних связей в европейской государственно-политической географии XIV–XVII вв.

Методологической основой исследования выступают положения о том, что эпоха позднего Средневековья – раннего Нового времени ознаменовала возникновение и органическое слияние двух исторических процессов: во-первых, практики выделения субъектов (акторов) международных отношений, во-вторых, накопления понимания и опыта использования механизма баланса сил. Данные процессы стали основанием зарождения межгосударственных отношений

в Европе как следствия постепенного формирования национальных государств, ставших монополистами на основные публичные действия. Развитие и усложнение подобных отношений непосредственно привели к вычленению истории международных отношений из описания общеисторических процессов.

Объектом исследования выступает взаимодействие национальных государств и возникший на данной основе феномен баланса сил, который привел к выделению дипломатии как особой деятельности, а также становлению внешней политики как сферы международных отношений. Предмет исследования – выделение истории международных отношений из описания общеисторических процессов в контексте складывания системы международных отношений.

Результаты исследования. Зарождение международных отношений в Европе как следствия постепенного формирования национальных государств, безусловно, было сложным и непланомерным процессом. В средневековой Западной Европе господствовало представление о едином иерархическом социально-политическом пространстве, *respublica/ecclesia Christiana* [1, с. 100]. Социум воспринимался как иерархически выстроенный правовой континуум – сообщество верующих, во главе которого находится епископ Римский (папа), либо император, преемник христианских римских императоров [2, с. 37–74]. В этой системе западная (католическая) церковь выступала носителем идеи универсализма, являвшейся идеологическим фундаментом сложившейся в Европе системы отношений.

Отправной точкой для начала процесса разграничения сфер государства и гражданского общества стала т. н. «папская революция» конца XI – начала XII вв. Поводом и первоначальным содержанием этого феномена являлись попытки добиться «свободы церкви» – освобождения духовенства от императорского и королевского гла-венства. Результатом клунийского движения, борьбы за инвеституру, Григорианской реформы и иных событий «папской революции» стало воссоздание централизованной иерархической структуры католической церкви.

Поскольку причинами «папской революции» в конечном итоге были социально-экономические преобразования в Западной Европе в XI–XII вв., то и ее последствия оказались намного более широкими по сравнению с заявленными целями. В частности, в данном феномене следует искать толчок к развитию романо-германской правовой семьи, предполагающей верховенство права и разграничение отрас-

лей публичного и частного права. Кроме того, как отметил Г. Берман, именно церковь стала первым образцом западного государства Нового времени [3, с. 118]. После «папской революции» католическая церковь стала выполнять ряд административных, судебных, фискальных функций, дав образцы для построения систем управления и бюрократических аппаратов светских государств.

По мере укрепления светских форм политической организации происходил постепенный перенос фокуса лояльности населения средневековой Западной Европы от родовых и общинных институтов, а также от церкви на возникающее государство [4, с. 9, 35–36, 54]. На протяжении XI–XIV вв. в территориальных политиях формировались такие существенные элементы современного типа государственности, как постоянные фискальные и судебные органы, орган центрального управления, слой профессиональных управленцев. В целом эволюция государственности в средневековой Европе шла по линии изживания патrimonиальной природы власти и постепенного придания основным политическим институтам (государству) публично-правового характера [5, с. 29–30].

К началу XIV в. лояльность государству не просто оказалась сильнее верности кому бы то ни было еще, а стала приобретать оттенки патриотизма [6, с. 333–378]. Фактически к этому времени относятся первые попытки сформулировать идею государственного суверенитета (Бальд делли Убальди, Бартоло Сассоферратский, Марсилий Падuanский), хотя и без использования самого понятия [7; 8; 9; 10; 11]. Данная идея (концепт) являлась концентрированным выражением восприятия государства как «субъекта действия, стоящего выше любой отдельной личности и учрежденного для общего блага» [12, с. 198]. Процесс монополизации публичной сферы государственными институтами ускорился в XV в., что было обусловлено интенсификацией межгосударственного взаимодействия в Западной Европе и целым комплексом социально-экономических, политических и культурных факторов. Его окончательное завершение относится к рубежу XVIII–XIX вв. Именно в это время произошло окончательное расхождение публичной и частной сфер, которое нашло отражение в новой системе ключевых социальных понятий (топосов), адаптированных к новым социально-экономическим условиям [13, с. 25].

Развитие внешнеполитической деятельности и дипломатии зависело от внешних вызовов и внутренних возможностей акторов. В условиях раздробленности Европы и слабости ее политических субъ-

ектов длительная и нацеленная на перспективу внешняя политика была невозможна. В центре внимания монархов оставались взаимоотношения с непосредственными соседями. При этом дипломатия, во-первых, не являлась основным средством регулирования внешних сношений, во-вторых, осуществлялась в форме отношений *ad hoc* [14, с. 50]. Как писал Дж. Стрейер, «в Европе, в которой не было государств и государственных границ, понятие «внешних сношений» не имело смысла, и не было необходимости ни в каком органе по иностранным делам» [4, с. 27]. Отсутствовало самое выделение дипломатии как особой деятельности, а также внешней политики как особой сферы отношений. Именно поэтому в средневековье существовала практика направления агентов от корпоративных (от купеческих, религиозных и иных учреждений) и индивидуальных (от «князей церкви», кондотьеров и прочих лиц) субъектов.

Эта практика сохраняла свое значение даже после институционализации дипломатической деятельности в форме резидентного дипломатического представительства. Так, Томас Мор получил свой первый опыт дипломатических переговоров в 1509 г. как официальный представитель лондонской Компании мерсеров у муниципальных властей Антверпена [15, с. 620]. Иногда даже правительства государств не осознавали в полной мере границ между правами суверена и подчиненных ему субъектов.

Дополнительные трудности в разграничении государственных и негосударственных представителей создавали средневековые представления об иерархии власти в рамках единой *respublica Christiana*, а также ситуация политической раздробленности (прежде всего в Италии и Германии). Тем не менее, с течением времени тенденция к монополизации дипломатической деятельности суверенами укреплялась. Не случайно французский король Людовик XI в одном из первых своих актов (1461 г.) и одним из первых среди европейских монархов строго оговорил, что исключительно он один в своем государстве может направлять и принимать послов [16, с. 5–6].

Накопление понимания и опыта использования механизма баланса сил – второе основание зарождения международных отношений в Европе – наиболее рельефно отразилось в специфике социально-политического устройства Апеннинского полуострова в позднее Средневековье. Вытекающая из этой специфики интенсивность политических действий в XV в. обусловила то, что данный регион оказался передовым в выделении дипломатии и становлении внешней поли-

тиki как особой сферы отношений. Именно поэтому понятие баланса сил, являющееся, по словам Гленна Снайдера, «центральным теоретическим концептом» [17, с. 21–24] в теории международных отношений, обычно возводят к эпохе итальянского Ренессанса [18; 19, с. 32–33; 20]. Как отметил Федерико Шабод, система международного баланса сил сформировалась еще до складывания государств современного типа. Этот парадокс обусловлен тем, что ренессансные политии Италии отличались от современных государств отсутствием границ, национальной идентичности и патриотизма, хотя во взаимодействии между собой пришли к единственной региональной системе баланса сил [21, с. 26–42].

Представление о балансе сил между различными акторами было сформировано в Италии раннего Нового времени одновременно со складыванием системы лиг – альянсов итальянских государств; в них папская курия уже могла участвовать только «на равных». Во второй половине XV в. Итальянская лига (включившая Венецию, Милан, Флоренцию, Папскую область, Неаполь – 5 ведущих государств региона) приобрела функцию саморегулирующегося механизма, предотвращающего общепитальянский конфликт. Целью этой лиги было создание «взаимных обязательств для поддержки со стороны друг друга внутренних режимов или, по крайней мере, невмешательства в их дела» [22, с. 187–188].

При анализе механизма баланса сил на Апеннинском полуострове во второй половине XV в. важно учитывать то, что мир в Лоди 1454 г. и дальнейшее создание Итальянской лиги явились следствием длительной и ожесточенной борьбы за господство между несколькими государствами. Их взаимное истощение и неспособность ни одного из них стать гегемоном явились, по мнению М. Маллета, главной причиной образования всеобщей лиги и утверждения системы баланса сил [23, с. 268]. Таким образом, баланс сил представлял собой основу будущей системы международных отношений – не теоретическую конструкцию на основе идеи всеобщего мира, а конкретную политическую ситуацию взаимной настороженности [24, с. 48]. В дальнейшем станут возникать действия по снижению градуса такой настороженности путем соглашений.

При этом время существования Итальянской лиги (1455 – начало 1490-х гг.) характеризуется значительной политической турбулентностью: Италия пережила шесть внутренних вооруженных конфликтов, а также три турецких вторжения. Войны вели между собой

практически все ведущие державы: Неаполь, Милан, Венеция, Флоренция, Папская область и др. Для разрешения возникавших в это время противоречий применялся механизм частных лиг (*leghe particolari*), создававшихся преимущественно с целью сдерживать потенциального гегемона [25, с. 61–86; 26, с. 63]. Частные лиги обычно создавались для противодействия чьей-либо экспансии (например, Венеции, в 1482–1484 гг.) либо для ограничения чрезмерно усилившейся державы (например, Неаполя, в 1485–1486 гг.). Нередко в состав лиги входили такие субъекты международных отношений, как изгнанники, отдельные кондотьеры или представители знати [27, с. 56]. К концу XV в. этот двухсоставной механизм, способствующий зарождению системы международных отношений, исчерпал свои возможности, что связано в первую очередь с внешним фактором [28]: вмешательством Франции, Испании, в меньшей степени – Священной Римской империи. Вместе с тем идея баланса сил не исчезла, находя воплощение в дипломатической практике.

Параллельно с развитием механизма межгосударственного баланса сил происходило закрепление форм и методов «новой дипломатии» (термин М. Андерсона) периода Итальянских войн 1494–1559 гг., которая имела три основные характерные черты [29, с. 4–6]. Первая из них – институциональная связь дипломатии с государством. По мере укрепления государств как формы организации политической власти и монополизации ими последней происходит прекращение внешней переговорной практики между прочими субъектами, точнее говоря, разграничение дипломатических сношений, которые осуществляют носители суверенитета, и прочих видов переговоров. Второй новой чертой дипломатии стало включение в дипломатические сношения гораздо более широкого, нежели раньше, круга государств. Дипломатические механизмы стали общепризнанным средством взаимодействия между европейскими государствами. Третьей характеристикой «новой дипломатии» стало внедрение практики постоянных послов. Несмотря на все преимущества и выгоды данного феномена, процесс институционализации резидентного дипломатического представительства был длительным и прерывистым, по замечанию Д. Квеллера, «довольно драматичным» [30, с. 229].

Основы дипломатической практики, сложившиеся на Апеннинском полуострове в XV в. и распространявшиеся на основные западноевропейские государства в течение Итальянских войн, явились прямым следствием принятия механизма баланса сил в регулирова-

нии межгосударственных отношений раннего Нового времени.

В отношении Восточной Европы XV в. знаменателен пока только зарождением предпосылок создания механизма баланса сил во взаимодействии с государствами Западной Европы. На основе полученных современниками сведений о восточноевропейских землях и странах, в конце эпохи Средневековья формировалась политическая и культурная основа, которая сделала возможной миссию Сигизмунда Герберштейна 1517 г., завершившую процесс «открытия Восточной Европы» и последующее включение ряда восточноевропейских государств в систему европейских международных отношений (к примеру, Великого княжества Литовского как субъекта Речи Посполитой со второй половины XVI в.) [см.: 31].

Безусловно, становлению системности международных отношений был присущ объективный и одновременно противоречивый характер. Итальянские войны в какой-то степени притормозили этот процесс. Практически с самого начала эти войны превратились в затяжную борьбу за гегемонию в Западной Европе двух военно-политических блоков, центрами которых выступали Франция и Испания (с 1516 г. всегда совместно с Империей). С другой стороны, парадоксальным образом, именно в результате этого соперничества в первой половине XVI в. оформилась европейская государственно-политическая география Нового времени [32, с. 32].

Несмотря на попытки ослабить определяющую роль папы римского и поколебать дуализм влияния на межгосударственные отношения, указанные элементы сохраняли свое важное значение вплоть до середины XVII в. Примером структурообразующего значения папской курии в межгосударственных отношениях является инициатива Николая V по созданию в Италии механизма баланса сил в виде Итальянской лиги 1455 г. Именно папство было в первую очередь заинтересовано в региональном балансе сил для сохранения своих владений в Средней Италии [22, с. 167–172]. Безусловно, формальная власть пап и их авторитет не раз оспаривались.

Проект «вечного мира», выдвинутый в 1518 г. первым министром английского короля Генриха VIII кардиналом Томасом Уолси, фактически перехватил у папы Льва X инициативу по установлению 5-летнего мира христианских держав и организации всеобщего похода против турок. При помощи идеи «вечного мира» Англия не только вышла из изоляции и укрепила свой международный престиж, но и стала претендовать на роль общеевропейского арбитра [33, с. 71–72],

95; 34, с. 91; 35, с. 40]. Однако данный проект не имел долгосрочных последствий, так и не изменив сложившийся к тому времени порядок межгосударственного взаимодействия в Западной Европе.

Процесс секуляризации общественных отношений, в том числе в политической сфере, ускорился в результате импульса, приданного Реформацией и последующей католической Реформой. Прежде всего, Аугсбургский религиозный мир 1555 г. с его принципом «*сijus regio, ejus religio*» (чье царство, того религия) положил конец формальным полномочиям римских пап на землях протестантских (лютеранских) регионов Германии. Правители территориальных княжеств Священной Римской империи были признаны в качестве глав местных церквей. Кроме того, идеяная борьба в период Реформации вылилась в постоянную взаимную конкуренцию между признанными религиозными конфессиями. В условиях тотальной конфессионализации общественных отношений [36, с. 179–180] религиозное противостояние несло государствообразующую функцию. Как отметил Г. Естрайх, «укрепление формирующегося государства современного типа требовало религиозную нетерпимость как предпосылку» [37, с. 268]. Результатом длительной конкурентной борьбы явилась секуляризация политики и, как ни парадоксально звучит, религии. Последняя перешла в подчиненное положение, превратившись в идеологию, став официальной позицией государственных властей относительно важнейших вопросов человеческого бытия.

После Аугсбургского религиозного мира начался процесс окончательного срашивания протестантских церквей и реформированного католицизма с территориальными государственными институтами. Эта тенденция оспаривала прежнюю иерархическую и сословную структуру Священной Римской империи, унаследованную от Средневековья. Своей кульминации процесс конфессионализации достиг в последние десятилетия XVI в. Его заключительным этапом стала Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. [38, с. 23].

Тридцатилетняя война завершилась заключением 24 октября 1648 г. Вестфальского мира, который закрепил конфессиональную свободу и право государей распоряжаться свободой совести своих подданных. Впервые верховенство государства в публичной сфере было определено юридически. Эти решения имеют огромное значение для истории международных отношений. Фактически по условиям Вестфальского мира исчезла иерархия светских правителей во главе с императором; каждый государь признавался равным в ряду

прочих, обладающих суверенными правами в светской сфере [39, с. 26–28; 40, с. 24–25]. В результате иерархическая организация общеевропейской политической системы оказалась заменена на анархическую или гетерогенную. При этом сложившееся к середине XVII в. представление о том, что «все государства образуют единую политическую систему» [41, с. 97], основанную на международном праве и балансе сил, стало источником двух ключевых концептов для истории государства и истории международных отношений: понятия государственного суверенитета, понятия паритета и баланса сил.

Следует учитывать, что Вестфальский мир сам по себе основывался еще на средневековых представлениях о патrimonиальном, личностном характере верховной власти. Мирные договоры, как и раньше, подписывались от имени государей и представлялись их соглашениями как единственных носителей суверенитета в европейском пространстве. Как замечает ряд исследователей, закрепленный Вестфальским миром суверенитет, заключался в признании и систематизации старых прав и привилегий, прежде всего сословных свобод [41, с. 98]. Вместе с тем, несмотря на недавнюю критику «мифа о 1648 году» [42; см. также: 41, с. 98–101], следует признать, что мирные договоры в Мюнстере и Оsnабрюке создали условия для построения системы международных отношений [43, с. 10].

Начиная с эпохи Возрождения и до Вестфальского мира 1648 г. правоту всех отношений между народами и их суверенами в Европе, как и монополию на историческую истину, хотя и в меньшей степени, чем ранее, определял папа римский. В реальности в этот же период складывалась только практика международных отношений, а их научная трактовка существовала лишь в зачаточном состоянии. Вестфальская система отношений, признавшая государственный суверенитет на подвластной территории, закрепила обязательства государств выполнять подписанные договоры и узаконила практику межгосударственного взаимодействия на основе международного права и канонов дипломатии.

Далее, по замечанию Ове Бринга, несмотря на отсутствие в мирных соглашениях 1648 г. понятия баланса сил, «сам концепт был присущ этим договорам» [44, с. 62]. Формально закрепленное в Мюнстере и Оsnабрюке равенство субъектов международных отношений позволяло последним эмпирическим путем, через череду войн и союзов, прийти к формированию прообраза системы коллективной безопасности. Тем самым бурные события второй половины XVII в. с

попытками Людовика XIV установить в Западной Европе французскую гегемонию неизбежно вели к дальнейшему развитию представлений о балансе сил и системности международных отношений.

Итак, Вестфальский мир положил начало эпохе международных/межгосударственных отношений. Окончательное завершение процесса складывания системы международного баланса сил, по-видимому, относится ко времени заключения Уtrechtского мира (1713 г.) [45, с. 5]. Неудачный для Франции результат Войны за испанское наследство продемонстрировал, с одной стороны, невозможность установления в Европе гегемонии одной из «великих держав», а с другой стороны, силу и возможности согласованных (коалиционных) действий на международной арене. Фактически мир 1713 г. символизирует завершение процесса рационализации борьбы за господство между суверенными акторами.

Заключение. Считаем необходимым еще раз отметить, что складывание современной парадигмы международных отношений генетически восходит к эпохе Возрождения и Итальянских войн; завершающий период ее оформления приходится на промежуток времени между Вестфальскими и Уtrechtскими мирными соглашениями.

На основе изложенного можно сделать вывод, что выделение истории международных отношений из сферы всеобщей истории как самостоятельного направления является обоснованным с освещения предпосылок и причин складывания Вестфальской системы международных отношений; в хронологическом плане – начиная с периода Итальянских войн 1494–1556 гг.

Несмотря на то, что в белорусской исторической науке методологическое разграничение собственно всеобщей истории и истории международных отношений до сих пор не закрепилось, каких-либо контраргументов, опровергающих изложенную нами позицию, в отечественной историографии нет.

Полагаем, что наше мнение может послужить отправной точкой для утверждения в белорусской исторической науке устоявшегося западного подхода, а также для дискуссий и дальнейших исследований в области теории и периодизации истории.

Библиографические ссылки

1. Герро, А. Фьеф, феодальность, феодализм: Социальный заказ и историческое мышление // Одиссей. Человек в истории. 2006. Феодализм перед судом историков / Под ред. А. Я. Гуревича. М.: Наука, 2006. С. 77–113.
2. Grawe, W. G. Epochs of International Law. Berlin: Walter de Gruyter, 2000. 780 р.
3. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ,

1994. 624 с.

4. *Strayer, J. R.* On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton: Princeton University Press, 1970. 114 р.
5. *Хачатуян, Н. А.* Общественная система и принцип относительности. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм» // Средние века. 2007. Вып. 68. № 1. С. 6–35.
6. *Канторович, Э. Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. 2-е изд. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 752 с.
7. *Canning, J.* Political Thought of Baldus de Ubaldis. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 300 р.
8. *Maiolo, F.* Medieval Sovereignty: Marsilius of Padua and Bartolous of Saxoferrato. Delft: Eburon Academic Publishers, 2007. 256 р.
9. *Nederman C. J.* Community and Consent. The Secular Political Theory of Marsiglio of Padua's *Defensor Pacis*. L.: Rowman & Littlefield Publishers, 1995. 192 р.
10. *Pennington K.* Prince and the Law, 1200–1600: Sovereignty and Rights in the Western Legal Tradition. Berkeley–Los Angeles: University of California Press, 1993. 352 р.
11. *Post G.* Studies in Medieval Legal Thought. Princeton: Princeton Legacy Library, 1964. 650 р.
12. *Хархордин О.* Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках / Под ред. О. Хархордина. СПб.–М.: Летний сад, 2002. С. 152–217.
13. *Козеллек Р.* Введение // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 23–44.
14. *Meek E. L.* Conduct and Practice of Diplomacy during the Reign of Edward IV (1461–1483). Dissertation. University of Cambridge, 2001. 205 р.
15. *Bindoff S. T.* House of Commons, 1509–1558. Vol. 2. L.: Secker and Warburg, 1982. 656 р.
16. *Degert A.* Louis XI et ses ambassadeurs // Revue historique. 1927. Т. 154. Р. 1–19.
17. *Snyder G. H.* Balance of Power in the Missile Age // Journal of International Affairs. 1961. Vol. 14, N 1. P. 21–34.
18. *Nelson E. W.* Origins of Modern Balance of Power Diplomacy // Medievalia and Humanistica. 1943. Vol. 1. P. 124–142.
19. *Sheehan M.* Balance of Power. History and Theory. L.–N. Y.: Routledge, 2004. 240 р.
20. *Vagts A.* The Balance of Power: Growth of an Idea // World Politics. 1948. Vol. 1. № 1. P. 82–101.
21. *Chabod F.* Was There a Renaissance State? // Development of the Modern State / Ed. by H. Lubasz. N. Y.: Collier–Macmillan, 1964. P. 27–36.
22. *Fubini R.* The Italian League and the Policy of the Balance of Power at the Accession of Lorenzo de' Medici // Origins of the State in Italy, 1300–1600 / Ed. by J. Kirshner. Chicago: The University of Chicago Press, 1995. P. 166–199.
23. *Mallett M.* Diplomacy and War in Later Fifteenth–Century Italy // Proceedings of the British Academy, 1981, vol. 67. P. 267–288.
24. *Мазарчук Д. В.* Баланс сил и политика альянсов в Италии во второй половине XV в.: к истории становления дипломатии Нового времени // Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 3/4. С. 47–52.
25. *Mattingly G.* Renaissance Diplomacy. New York: Dover Publ., 1988. 284 р.
26. *Mallett M.* Italian Renaissance diplomacy // Diplomacy and Statecraft. 2001. Vol. 12, № 1. P. 61–70.
27. *Dover P. M.* Coalition Warfare in Renaissance Italy, 1455–1503 // Coalition Warfare: An Anthology of Scholarly Presentations at the Conference on Coalition Warfare at the Royal Danish Defense College, 2011 / Ed. by N. B. Poulsen, K. H. Galster, S. Nørby. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 51–69.
28. *Мазарчук Д. В.* Лига св. Марка 1493 г. как элемент механизма межгосударственных отношений: к вопросу о кризисе системы баланса сил в Италии в конце XV в. // Журнал международного права и международных отношений. 2017. № 3/4. С. 35–41.

29. *Anderson M. S.* The Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919. Harlow: Longman, 1993. 320 p.
30. *Queller D. E.* The office of Ambassador in the Middle Ages. Princeton: Princeton Univ. Press, 1967. 202 p.
31. *Мартынюк А. В.* Австрия и Восточная Европа: становление и развитие политических взаимоотношений и культурных контактов (XIII–XV вв.): автореф... дис... докт. ист. наук. Минск : БГУ, 2021. 48 с.
32. *Fletcher C.* Diplomacy in Renaissance Rome: the Rise of the Resident Ambassador. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. 202 p.
33. *Scarisbrick J. J.* Henry VIII. Los Angeles: University of California Press, 1968. 561 p.
34. *Elton G. R.* England under the Tudors. 3rd ed. N. Y.: Taylor and Francis Group, 1991. 522 p.
35. *Lockyer R.* Tudor and Stuart Britain, 1485–1714. 3rd ed. Harlow, 2005. 576 p.
36. *Уайт Дж. М.* Единоверие и концепция конфессионализации: дискурсивные заметки // *Quaestio Rossica*. 2016. Вып. 4. № 4. С. 177–189.
37. *Oestreich G.* Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. Ausgewählte Aufsätze. Berlin: Duncker und Humblot, 1969. 355 s.
38. *Прокопьев А. Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 483 с.
39. *Gross L.* The Peace of Westphalia, 1648–1948 // American Journal of International Law. 1948. Vol. 42. № 1. P. 20–41.
40. *Kittsteiner H. D.* Die Stabilisierungsmoderne: Deutschland und Europa 1618–1715. München: Carl Hansen Verlag, 2010. 445 s.
41. *Ивонина Л. И.* Суверенитет и власть в Европе после Вестфальского мира // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2019. Вып. 5. С. 96–113.
42. *Тешке Б.* Миf о 1648 годe: класс, гeopolитика и создание современных международных отношений; пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Высш. шк. экономики, 2011. 414 с.
43. *Lesaffer R.* Peace Treaties from Lodi to Westphalia // Peace Treaties and International Law in European History. From the Late Middle Ages to World War One / Ed. by R. Lesaffer. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 9–44.
44. *Bring O.* The Westphalian Peace Tradition in International Law: From Jus ad Bellum to Jus contra Bellum // International Law Studies. 2000. Vol. 75. P. 57–80.
45. *Медяков А. С.* История международных отношений в Новое время. Учебное пособие. М.: Просвещение, 2007. 463 с.

Дата поступления статьи: 26.06.2021.

Авторы: Мазарчук Дмитрий Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной и методической работе Института подготовки научных кадров Национальной академии наук Беларусь (Минск), докторант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (Минск); e-mail: bande_nere@mail.ru.

Чесновский Мечислав Эдвардович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений Белорусского государственного университета (Минск); e-mail: Mchasn@bsu.by.

OF THE TIME OF DEMARCATON BETWEEN THE HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND GENERAL HISTORICAL PROCESSES

M. CHASNOUSKY

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

D. MAZARCHUK

Graduate School of the National Academy of Sciences of Belarus

Abstract. The article analyzes the main problems of the past, the solution of which led to the demarcation between the history of international relations and general historical processes. They are associated with the era that marked, firstly, the practice of identifying the subjects (actors) of interstate relations, and secondly, the understanding of the essence of the balance of power mechanism and the accumulation of experience in its use. The gradual spread of these actors and the use of the phenomenon of balance of power in the process of their interaction led to the allocation of diplomacy as a special activity, as well as the formation of foreign policy as a special sphere of relations. The aim of the study is to prove that the formation of the institution of actors of international relations, the folding of the balance of power mechanism, the generalization of the primary experience of diplomacy and foreign policy activity formed the basis of the future system of international relations – as a theoretical and practical construction of the early modern era.

The study is based on a comparative analysis of publications by Russian-speaking and foreign-language authors dealing with the disclosure of the peculiarities of the formation of social systems and external relations in European state-political geography of the XIV–XVII centuries.

The object of the research is the interaction of national states and the phenomenon of the balance of power that arose on this basis, which led to the allocation of diplomacy as a special activity, as well as the formation of foreign policy as a sphere of international relations.

The subject of the research is the selection of the history of international relations from the description of general historical processes in the context of the formation of the system of international relations. The analysis carried out allows us to assert that the maturation of the prerequisites for the implementation of the practice of international relations began with the Renaissance and for the first time was formalized by the fact of the Peace of Westphalia in 1648.

The Westphalian system of relations, securing the obligations of states to fulfill the signed treaties and legitimizing the practice of interstate interaction on the basis of international law and the canons of diplomacy, predetermined the evolution of former international relations into the system of interstate / international relations and became the starting point for the formation of the history of international relations as a scientific discipline. The result of the study gives grounds to accept this methodological distinction between the history of general and the history of international relations in the Belarusian historical science.

Key words: international relationships; history of international relations; actors of international relations; mechanism of balance of power; diplomacy; foreign policy; Westphalian system.

For citations: Chesnovsky V., Mazarchuk D. (2021). K voprosu o vremeni vychlenenija istorii mezhdunarodnyh otnoshenij iz obshcheistoricheskikh processov [Of the time of demarcation between the history of international relations and general historical processes]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk. Vol. 9, p. 10–26. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2021-9-10-26>

References

1. Gerro A. (2006). F'yef, feodal'nost', feodalizm. Sotsial'nyy zakaz i istoricheskoye myshlenije [Fief, feudalism, feudalism: social order and historical thinking]. In: *Odissey. Chelovek v istorii. 2006. Feodalizm pered sudom istorikov*. M.: Nauka, p. 77–113. (In Russ.).
2. Grewe W. G. (2000). Epochs of International Law. Berlin: Walter de Gruyter, 780 p.
3. Berman G. Dzh. (1994). Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya [Western tradition of law: the era of formation]. 2nd ed. M.: Izd-vo MGU, 624 p. (In Russ.).
4. Strayer J. R. (1970). On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton: Princeton University Press, 114 p.
5. Khachaturyan N. A. (2007). Obshchestvennaya sistema i printsip otnositel'nosti. K voprosu o soderzhanii kontsept-yavleniya «feodalizm» [Social system and the principle of relativity. On the question of the content of the concept-phenomenon «feudalism»]. In: *Sredniye veka*. Issue 68. № 1, p. 6–35. (In Russ.).
6. Kantorovich E. Kh. (2014). Dva tela korolya. Issledovaniye po srednevekovoy politicheskoy teologii [The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology]. 2nd ed. M.: Izd-vo Instituta Gaydara, 752 p. (In Russ.).
7. Canning J. Political Thought of Baldus de Ubaldis. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, 300 p.
8. Maiolo F. (2007). Medieval Sovereignty: Marsilius of Padua and Bartolous of Saxoferrato. Delft: Eburon Academic Publishers, 256 p.
9. Nederman C. J. (1995). Community and Consent. The Secular Political Theory of Marsiglio of Padua's *Defensor Pacis*. L.: Rowman & Littlefield Publishers, 192 p.
10. Pennington K. (1993). Prince and the Law, 1200–1600: Sovereignty and Rights in the Western Legal Tradition. Berkeley–Los Angeles: University of California Press, 352 p.
11. Post G. (1964). Studies in Medieval Legal Thought. Princeton: Princeton Legacy Library, 650 p.
12. Kharkhordin O. (2002). Chto takoye “gosudarstvo”? Russkiy termin v yevropeyskom kontekste [What is the State? The Russian Term in the European Context]. In: *Ponyatiye gosudarstva v chetyrokh yazykakh*. SPb.–M.: Letniy sad, p. 152–217. (In Russ.).
13. Kozellek R. (2014). Vvedeniye [Introduction]. In: *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy. Izbrannyye stat'i*. T. 1. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, p. 23–44. (In Russ.).
14. Meek E. L. (2001) Conduct and Practice of Diplomacy during the Reign of Edward IV (1461–1483). Dissertation. University of Cambridge, 205 p.
15. Bindoff S. T. (1982). House of Commons, 1509–1558. Vol. 2. L.: Secker and Warburg, 656 p.
16. Degert A. (1927). Louis XI et ses ambassadeurs [Louis XI and his ambassadors]. In: *Revue historique*. T. 154, p. 1–19. (In French).
17. Snyder G. H. (1961). Balance of Power in the Missile Age. In: *Journal of International Affairs*. Vol. 14, N 1, p. 21–34.
18. Nelson E. W. (1943). Origins of Modern Balance of Power Diplomacy. In: *Medievalia and Humanistica*. Vol. 1, p. 124–142.

19. Sheehan M. (2004). Balance of Power. History and Theory. L.–N. Y.: Routledge, 240 p.
20. Vagts A. (1948). The Balance of Power: Growth of an Idea. In: *World Politics*. Vol. 1. № 1, p. 82–101.
21. Chabod F. (1964). Was There a Renaissance State? In: *Development of the Modern State*. N. Y.: Collier–Macmillan, p. 27–36.
22. Fubini R. (1995). The Italian League and the Policy of the Balance of Power at the Accession of Lorenzo de’Medici. In: *Origins of the State in Italy, 1300–1600*. Chicago: The University of Chicago Press, p. 166–199.
23. Mallett M. (1981). Diplomacy and War in Later Fifteenth–Century Italy. In: *Proceedings of the British Academy*. Vol. 67, p. 267–288.
24. Mazarchuk D. V. (2016). Balans sil i politika al'yansov v Italii vo vtoroy polovine XV v.: k istorii stanovleniya diplomati Novogo vremeni [The balance of power and the policy of alliances in Italy in the second half of the 15th century: to the history of the formation of diplomacy in the modern era]. In: *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*. № 3/4, p. 47–52. (In Russ.).
25. Mattingly G. (1988). Renaissance Diplomacy. New York : Dover Publ., 284 p.
26. Mallett M. (2001). Italian Renaissance diplomacy. In: *Diplomacy and Statecraft*. Vol. 12, № 1, p. 61–70.
27. Dover P. M. (2013). Coalition Warfare in Renaissance Italy, 1455–1503. In: *Coalition Warfare: An Anthology of Scholarly Presentations at the Conference on Coalition Warfare at the Royal Danish Defense College, 2011*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, p. 51–69.
28. Mazarchuk D. V. (2017). Liga sv. Marka 1493 g. kak element mekhanizma mezhgosudarstvennykh otnosheniy: k voprosu o krizise sistemy balansa sil v Italii v kontse XV v. [The League of St. Mark of 1493 as an element of the mechanism of interstate relations: on the question of the crisis of the balance of power in Italy at the end of the 15th century]. In: *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*. № 3/4, p. 35–41. (In Russ.).
29. Anderson M. S. (1993). The Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919. Harlow: Longman, 320 p.
30. Queller D. E. (1967). The office of Ambassador in the Middle Ages. Princeton: Princeton Univ. Press, 202 p.
31. Martynyuk A. V. (2021). Avstriya i Vostochnaya Evropa: stanovleniye i razvitiye politicheskikh vzaimootnosheniy i kul'turnykh kontaktov (XIII–XV vv.) [Austria and Eastern Europe: the formation and development of political relations and cultural contacts (XIII–XV centuries)]: abstract of the Dissertation of Doctor of Sciences in History. Minsk : BGU, 48 p. (In Russ.).
32. Fletcher C. (2015). Diplomacy in Renaissance Rome: the Rise of the Resident Ambassador. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 202 p.
33. Scarisbrick J. J. (1968). Henry VIII. Los Angeles: University of California Press, 561 p.
34. Elton G. R. (1991). England under the Tudors. 3rd ed. N. Y.: Taylor and Francis Group, 522 p.
35. Lockyer R. (2005). Tudor and Stuart Britain, 1485–1714. 3^d ed. Harlow, 576 p.
36. Uayt Dzh. M. (2016). Yedinoveriye i kontseptsiya konfessionalizatsii: diskursivnyye zametki [Edinoverie and the Concept of Confessionalisation: Discursive Notes]. In: *Quaestio Rossica*. Issue 4. № 4, p. 177–189. (In Russ.).
37. Oestreich G. (1969). Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. Ausgewählte Aufsätze [Spirit and figure of the early modern state. Selected essays]. Berlin: Duncker und Humblot, 355 p. (In Germ.).
38. Prokop'yev A. Yu. (2008). Germaniya v epokhu religioznogo raskola. 1555–1648. [Germany in the era of religious schism. 1555–1648]. 2nd ed. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 483 p. (In Russ.).
39. Gross L. (1948). The Peace of Westphalia, 1648–1948. In: *American Journal of International Law*. Vol. 42, № 1, p. 20–41.
40. Kittsteiner H. D. (2010). Die Stabilisierungsmoderne: Deutschland und Europa 1618–1715 [The Stabilization Modernity: Germany and Europe 1618–1715]. München: Carl Hansen Verlag, 445 p. (In Germ.).
41. Ivonina L. I. (2019). Suverenitet i vlast' v Yevrope posle Vestfal'skogo mira [Sovereignty and

- power in Europe after the Peace of Westphalia]. In: *Proslogion: Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*. Issue 5, p. 96–113. (In Russ.).
42. Teshke B. (2011). Mif o 1648 gode: klass, geopolitika i sozdaniye sovremennoykh mezhdunarodnykh otnosheniy [The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations]. M.: Vyssh. shk. ekonomiki, 414 p. (In Russ.).
43. Lesaffer R. (2004). Peace Treaties from Lodi to Westphalia. In: *Peace Treaties and International Law in European History. From the Late Middle Ages to World War One*. Cambridge: Cambridge University Press, p. 9–44.
44. Bring O. (2000). The Westphalian Peace Tradition in International Law: From Jus ad Bellum to Jus contra Bellum. In: *International Law Studies*. Vol. 75, p. 57–80.
45. Medyakov A. S. (2007). Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v Novoye vremya [History of international relations in Modern history]. M.: Prosvetshcheniye, 463 p. (In Russ.).

Received: 26.06.2021.

About authors: Chesnovsky Mechislav Edvardovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of International Relations of the Belarusian State University (Minsk); e-mail: Mchasn@bsu.by.

Mazarchuk Dmitry Valerievich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Scientific and Methodological Work of the Graduate School of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk), doctoral student of the Department of International Relations of the Belarusian State University (Minsk); e-mail: bande_nere@mail.ru.